

Мройка коней бежала сквозь пургу по тёмному лесу. Завьюжило так, что видны были только верхушки деревьев, которые, казалось, упирались в одинокий диск луны. В санях сидело три бравых военных, измученных дорогой. Сон давно покинул их, ведь дело было государственной важности: они везли срочное письмо с сургучной печатью.

Сани остановились возле тропинки, ведущей к одинокому домику, настолько маленькому и незаметному, что любой путешественник проехал бы мимо. Из его трубы шёл дым, сквозь щели деревянной двери пробивался свет. Уставшие путники вышли, отряхнули свои мундиры и направились к избе по хрустящему снегу.

После того как они постучались, дверь открыл мальчик в мундире.

— Здравья желаю! Юнкер Платов, — малыш приложил руку к голове и быстро отчеканил приветствие.

— Нам Суворова, Александра Васильевича, — строгим командным голосом потребовали военные. — Срочная депеша от государя императора.

— Александр Васильевич просил не беспокоить, — загородил собой вход юнкер. — Со счёта может сбиться. Честь имею.

Маленький военный развернулся и скрылся в избе, закрыв за собой дверь.

— Э-э-э... — визитёры были в недоумении.

А из избы раздавалось:

— Двести семнадцать, двести восемнадцать, двести девятнадцать, двести двадцать...

Морщинистый старичок с двумя полными ведрами воды в руках приседал посреди комнаты. Его белые волосы были аккуратно уложены, а одежда выглажена. На шее висел орден Святой Анны.

— Ху-у-ух ну, как? Ушли? — спросил он мальчугана, хитро улыбаясь.

— Никак нет, Александр Васильевич, — протараторил тот. — Не уходят.

Суворов поставил ведра на пол, задумчиво потёр подбородок и подошёл к окну.

— Значит, дело важное.

Старичок вытащил из кармана серебряную монетку и подбросил её:

— Орёл. Повезло им. Ну, так и быть. Впусти их.

Трое военных вошли в небольшую комнату и огляделись. Обстановка избы была скромной, но всё лежало на своих местах. На окнах висели кружевные занавески в тон обивке дивана. В углу стоял большой глобус. Книжный шкаф был забит до самого верха: полки буквально ломились от книг.

— Лейб-гвардии генерал-майор Толбухин. Имею спешное донесение и приказ доставить вас в Петербург для прохождения дальнейшей службы царю и Отечеству, — отчеканил высокий военный.

— По высочайшему распоряжению императора Павла мои баталии окончены, — старичок поставил самовар на стол посреди комнаты. — И с викториями своими я более никому не нужен. Вам это известно?

— Так точно, — ответили путники хором. — Но... Александр Васильевич, скучаем. — И один из них протянул письмо с сургучом.

Старичок взял государственную бумагу, распечатал и стал читать:

— «Дорогой Александр Васильевич». Надо же... — удивился он и поднял брови.

Уже вскоре весь Санкт-Петербург только и говорил что о войне. Не стал исключением и этот солнечный день.

Такая погода в столице бывает редко. Все жители вышли на прогулку. По мощёным улицам, задевая подолом брусчатку, прохаживались дамы в кринолинах. Господа в элегантных костюмах сопровождали спутниц, опираясь на прогулочную трость. Статуя Петра I на медном коне по-прежнему охраняла город, возвышаясь над площадью. Мальчишки в неопрятных рубашках и небрежно натянутых шапках продавали газеты. Они кричали последние новости на каждом углу:

— Союзники под командованием Суворова ушли в Италию!

— Император вызвал на помощь Суворова!

— Все последние новости о походе Суворова!

Из скобяной лавки вышел юноша в начищенных сапогах. Это был служивший у купца Пшеницына конюх Гриша. Молодой человек так торопился, что задевал всё вокруг, несколько раз падал, но тут же вставал и улыбался. Сейчас он опаздывал на встречу в Гостином дворе. Часы на башне уже показывали больше половины одиннадцатого.

Но тут юноша заметил, что лошадь мужика, развозившего на телеге цветы, странно себя ведёт. Гриша сразу понял, в чём дело, подбежал, схватил кобылу за ногу и быстро вытащил гвоздь, застрявший между подковой и копытом. Несчастное животное тотчас успокоилось.

— Ну, брат, выручил. Может, тебя подвезти? — предложил мужик в благодарность за помощь.

— К торговым рядам. Очень надо!

Телега тронулась, и молодой конюх поехал по солнечному городу.

Ровно в одиннадцать, зажав белый цветок в руке, юноша оказался на месте. Гостиный двор был полон людей. Везде сновали торговцы и покупатели, хулиганы-мальчишки и дамы. Гриша замер. В торговых рядах он заметил молодую особу в фиолетовом платье с зонтиком в руках. Та разглядывала витрину, что-то себе подбирая.

Вдруг девушка обернулась, увидев голодных детишек. Малыши бегали вокруг и кричали на все лады. Тогда она купила баранки и стала раздавать им.

— И тебе. И ты держи... Гриша! — барышня увидела его и улыбнулась.

Юноша расплылся в улыбке и подарил ей цветок.

— Сегодня у нас с тобой только полчаса. Батюшка велел быть дома к обеду, — беспокоилась она.

— Пусть так. Мне, Софья Дмитриевна, каждая минута с вами в радость, — признался Гриша, не отводя от неё глаз. И вдруг вздохнул: — А здорово, наверное, быть героем, как Суворов. — Его мысли улетели в голубое небо, где он представлял себя важным человеком.

— Вот станешь героем и узнаешь, — заверила девушка и одарила собеседника самым тёплым взглядом.

— Я? Помилуйте, Софья Дмитриевна. Я ж всего лишь слуга вашего батюшки, простой конюх. Так что до Суворова мне далеко. Да он ещё и граф к тому же...

— Ничего ты не понимаешь, Гриша. Для героя не титул главное. Героем может стать каждый. Если им движет любовь, — и Софья посмотрела на него так пристально, что у юноши побежали мурашки.

